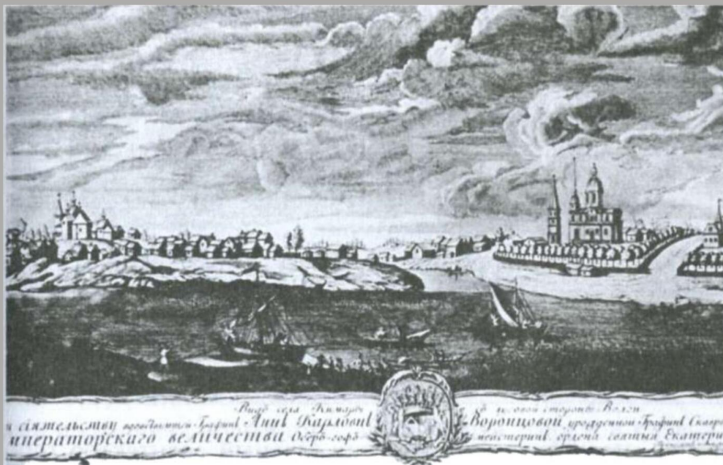

Виктор Калитвянский

Легенда о кимрском сапожнике

Виктор Иванович Калитвянский

Легенда о кимрском сапожнике

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42544270

SelfPub; 2023

Аннотация

Крепостной сапожник из Кимры полюбил дочку купца, хочет выйти на волю, чтобы жениться на своей любимой. Любовь заставляет его пуститься в рискованные предприятия, даже приводит его в Петербург к царю Петру...

Содержание

От автора	4
Действующие лица:	6
Сцена 1	8
Сцена 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Виктор Калитвянский

Легенда о кимрском сапожнике

От автора

Пьеса «Легенда о кимрском сапожнике» – вымышленное литературное произведение, хотя в нем фигурирует и реальный, исторический персонаж – царь Пётр (который тоже, надо признаться, «пляшет под дудку автора» и становится поэтому персонажем литературным). Остальные герои – плод авторской фантазии, пусть и некоторые из них (например, купец Устинин или капитан Леонов) – имеют свои исторические прототипы.

По мнению автора, цель исторического сочинения в любом жанре – написать портрет эпохи, воссоздать «воздух» времени. Автор попытался воссоздать эпоху через судьбу своих главных героев – кимрского сапожника Михаила, его возлюбленной Татьяны, её отца купца Устинина, кимрской помещицы Глафиры Петровны и православного батюшки Андрея. Удалось ли это? – судить читателю или зрителю (если пьеса когда-нибудь дойдет до театральных подмостков).

Автор может только признаться в любви к своим героям, а также – к нашему верхневолжскому краю, где много веков назад возникла эта традиция – «тачать обувь» – и слава о ней распространилась по всей России.

Действующие лица:

Первый скоморох.

Второй скоморох.

Михаил, крепостной сапожник.

Григорий Устинин, кимрский купец.

Татьяна, дочь Устинина.

Глафира Петровна, кимрская помещица.

Дашка, служанка помещицы.

Семенов, управляющий имением.

Отец Андрей, кимрский священник.

Капитан Леонов.

Поручик.

Царь.

Первый сапожник.

Второй сапожник.

Третий сапожник.

Первая торговка.

Вторая торговка.

Третья торговка.

Первый торговец

Второй торговец

Палач.

Солдат.

Первый мужик.

Второй мужик.

Сцена 1

Вид на Волгу со стороны базарной площади Кимры. Справа – Троицкая церковь.

Появляется скоморохи – ПЕРВЫЙ и ВТОРОЙ.

ПЕРВЫЙ СКОМОРОХ. Говорят, в нашей Кимре люди полтыщи лет живут. Или даже больше...

ВТОРОЙ СКОМОРОХ. Кто говорит?

ПЕРВЫЙ СКОМОРОХ. Да ученые, историки всякие.

ВТОРОЙ СКОМОРОХ. Так эти ученые – какой народ-то?.. Им обязательно подай какой-нибудь черепок, накопчик или хуже того – кость... А потом несут весь этот хлам в музей и велят нам любоваться.

ПЕРВЫЙ СКОМОРОХ. Скучно... А как же интуиция, прозрение, полет, понимаете ли, душевной фантазии... Мне вот лично кажется, на нашей кимрянской земле люди живут со времён царя Гороха.

ВТОРОЙ СКОМОРОХ. А чего не жить-то? Вы только поглядите: красота-то какая... *(Разводит руки. Пауза.)*

ПЕРВЫЙ СКОМОРОХ. На самом деле, как бы это сказать... *(Поднимает палец.)* Истина – не в музее, а в народной, как говорится, памяти.

ВТОРОЙ СКОМОРОХ. А народная память – где распо-

лагается?

ПЕРВЫЙ СКОМОРОХ. Располагается она в наших, в некотором роде, мозгах... (*Стучит себя по голове.*)

ВТОРОЙ СКОМОРОХ. И в наших, представьте себе, сердцах... (*Прикладывает руку к сердцу.*)

ПЕРВЫЙ СКОМОРОХ. А передается – душой в душу... Душа – вот наш истинный летописец. Она, душенька наша, все помнит, все знает. Её только надо правильно спрашивать. Вот я её, душу-то, спрашиваю как-то: что самое главное в нашей кимрянской истории?

ВТОРОЙ СКОМОРОХ. И что она тебе ответила? Душа-то? Что самое главное? Что? (*Прикладывает руку к уху, слушает.*)

ПЕРВЫЙ СКОМОРОХ (*тоже прикладывая руку к уху*). Правильно! Самое главное в нашей кимрянской истории – это сапог. Ну, или попросту, – обувка. Потому как эту обувку наш мужик тачает которое уже столетие...

ВТОРОЙ СКОМОРОХ. И началось это давным-давно, и пережила наша кимрянская обувка столько князей, царей и генеральных секретарей, что ни перечесть, ни упомнить.

ПЕРВЫЙ СКОМОРОХ. Об ней, об нашей обувке, песни поют, романы пишут и легенды складывают...

ВТОРОЙ СКОМОРОХ. Вы спросите, кто складывает, легенды-то? А я почему знаю? Кто-то легенду сложил, а потом она гуляет как ей вздумается, и никто ей не начальник, никто ей не указчик.

ПЕРВЫЙ СКОМОРОХ. Вот мы вам сегодня такую легенду и поведаем... *(Поднимает палец.)* Жил как-то в кимрской земле человек и звали его Мишка-сирота. Сирота – потому как родителей он сам не знал, да и другие их не помнили.

ВТОРОЙ СКОМОРОХ. Был в то время на Руси – царь, а в Кимре – помещица. И этой помещице принадлежала почитай вся Кимра.

ПЕРВЫЙ СКОМОРОХ. Ну, и Мишка-сирота тоже был её дворовым человеком. Так уж тогда люди жили – одному все, а другому – шиш с маслом...

ВТОРОЙ СКОМОРОХ. Или даже вовсе без масла...

ПЕРВЫЙ СКОМОРОХ. Мишка наш сызмальства все подглядывал, как там мастера-мужички над обувкой потеют: режут, клеют, шьют. Подглядывал да подслушивал.

ВТОРОЙ СКОМОРОХ. Бывало, мастер скажет «шпандырь»! – так Мишка тут же к нему пристаёт: что такое, почему и для чего...

ПЕРВЫЙ СКОМОРОХ. Или там, «гладилка» какая, «илёнка» или, прости господи, «шмухта»... Вот он так подглядывал, подслушивал, а потом и сам взялся, да так – что все рты поразевали... И скоро все сказали: хоть молодёхонек Миша – а уже мастер!..

ВТОРОЙ СКОМОРОХ. Ну, а потом пришла такая пора, что Миша стал на девушек засматриваться. То на одну, то на другую... Знаете, как это бывает...

ПЕРВЫЙ СКОМОРОХ. Ну, и они на него – тоже... А что,

парень хоть куда!.. И приглянулась ему в конце концов одна девица, наша, кимрянская...

ПЕРВЫЙ СКОМОРОХ. И вроде он ей – тоже... Но вот незадача, говорят ему: она тебе, Миша, не в пару, она вольная, купецкая дочь, а ты – при своей хозяйке, дворовой, крепостной человек, так что не рыпайся, сыщи себе по плечу, такую же...

ВТОРОЙ СКОМОРОХ. Тут он и понял, в первый раз, по-настоящему, что есть воля... И что есть крепостная неволя.

ПЕРВЫЙ СКОМОРОХ. Ну, а потом помещица Глафира Петровна послала Мишу в Москву, в подмастерья к иноземцу...

ВТОРОЙ СКОМОРОХ. Там-то уж он нагляделся чудес городских... И господ, и барышень, и нашего брата, городского мещанина, которые по Москве снуют туда-сюда, туда сюда...

ВТОРОЙ СКОМОРОХ. Наглядеться-то он нагляделся, а Танюшку свою забыть не мог... Сами знаете, как это бывает... *(Пауза.)*

ВТОРОЙ СКОМОРОХ. Но что-то мы разболтались тут перед вами, вы лучше сами поглядите...

Сцена 2

Гостиная в барском доме. ГЛАФИРА ПЕТРОВНА сидит за обеденным столом. Поднимает чашку, пьет. Морщится.

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА (*громко*). Дашка!

Прибегает ДАШКА, бойкая девка лет двадцати.

ДАШКА. Слушаю, барыня!

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА (*показывая на чашку*). Это что?

ДАШКА (*подбегая, нюхая чашку*). Как что?.. Этот, как его... чай.

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. Чай? Это не чай!

ДАШКА (*снова нюхая*). Да чай, Глафира Петровна... Именно что чай. Вон сколько палок плавает...

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. Какие еще палки, дура! (*Дашка пожимает плечами*). Господи, какая глушь эта наша Кимра... Вон, Ольга Грязнова рассказывает, в Петербурге новый напиток пьют... кофий называется... говорят, зело вкусный... и палок никаких в чашке...

ДАШКА. Может, квасу? Или морс клюквенный...

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. Не хочу я твоего квасу... От него живот бурлит... Федору Иванычу напомни, пусть настоящий

чай привезёт из Москвы.

ДАШКА. Напомню, матушка, обязательно напомню...

Пауза.

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. Что за шум был за полночь?

ДАШКА. Шум? Какой шум?

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА (*поворачиваясь к Дашке*). Ты что это? Ты мне дурочку-то не корчь. Я тебя наскрозь вижу... Я сразу хотела пойти да за вихры вас оттаскать, да поленилась. Да заснула потом... Ну! Говори, не вводи во грех.

ДАШКА. Совестно мне.

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. Что?

ДАШКА. Вы опять станете браниться.

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. Я? Браниться? Отчего же?

ДАШКА. Сами знаете.

Пауза.

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. Мужчина в девичьей? (*Дашка коротко кивает.*) Кто?

ДАШКА. Сами знаете.

Пауза.

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. Пьян был?

ДАШКА. Выпимши.

Пауза.

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. Кто визжал так противно?

ДАШКА. Сначала Фимка...

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. А потом?..

ДАШКА. А потом я.

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. Ты? Господи ты боже мой... (*Пауза.*) Голова у меня с утра тяжелая... Не угорела ли я? Печку проверьте... Нешто смерти моей хотите?

ДАШКА. Господь с вами, ваша милость...

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. Ладно, ступай, позови Федора Иваныча... (*Дашка делает испуганное лицо.*) Да уймись ты, не зли меня... Он мне доклад должен делать.

Дашка убегает. Пауза. Входит СЕМЕНОВ, управляющий имением, крепкий мужчина под пятьдесят. В руках у него бумажный журнал. В сапоге – нагайка.

СЕМЕНОВ (*приоглядываясь вслед Дашке*). Глафира Петровна... Э-э...

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. Чего ты экаешь?..

СЕМЕНОВ. Матушка, я... тут дело такое, что...

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. Чего ты елозишь, как нашкодящая собачонка?..

СЕМЕНОВ. Виноват, матушка...

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. В чем же, Федор Иванович? Какая за тобой вина? Недосмотрел? Упустил? Тут давеча безобразия творились в девичьей... говорят, мужчина какой-то забрался... Ты не слыхал?

СЕМЕНОВ. Я-то?

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. Ты-то. Ты как спал-то?

СЕМЕНОВ. Бес попутал...

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. И где тот бес-то? В стакане наливки? Ты гляди у меня, Федор Иванович... Мои дворовые девки разве тебе назначены? Ладно еще покойный муж мой прижимал их по углам, так то его собственность была... А ты кто такой?

СЕМЕНОВ. Виноват, Глафира Петровна...

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. Виноват?.. Голова у тебя седая, мне совестно тебе укоризны делать, я младше на десять годков... Не доводи меня до крайности... *(Пауза.)* Ну что, посчитал? Долги свел?

СЕМЕНОВ *(заглядывая в журнал)*. Свел.

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. Ну и как?

СЕМЕНОВ. Есть еще, долги-то... Виноват.

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. Не в том дело, что ты виноват, Федор Иванович... Хотя это само собой, коли долги по сию пору не взысканы... А в том беда, что невзысканье подаёт дурной пример остальным... Что ж это получается? Один двор всё поставляет вовремя, а другой позволяет себе заминки...

И кто там у нас так отличается?

СЕМЕНОВ. Верещага... две свиньи... Самсонов младшой... полтора пуда овса... сапожники... Трясисолома.

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. Ох уж этот Трясисолома... Сколько я помню, никогда из долгов не вылезает!

СЕМЕНОВ. Задерживает, матушка...

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. Сапоги-то его хороши?

СЕМЕНОВ. Недурны.

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. До хмельного охоч?

СЕМЕНОВ (*кашлянув*). Есть такой грех...

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. А куда жена смотрит?

СЕМЕНОВ. Померла жена-то... Тому назад года три.

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. Три? И все неженат?

СЕМЕНОВ. Да, так бобылем и состоит.

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. Как же это? Что, в преклонных годах? На баб уж и сил нету?

СЕМЕНОВ. Да как сказать... Не так чтобы в преклонных... Примерно в моих годах.

Пауза. Глафира Петровна поднимает глаза на Семенова.

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. С тебя лучше примера не брать... Ну, хорошо... Прошу тебя, Федор Иванович, просто так не спускать... Ежели надобно посечь, то нечего и стесняться... Раз уж доброго слова не разумеют... Ты чем сечешь мужичков? Этим что ли? (*Показывает на сапог.*)

СЕМЕНОВ. Нет, матушка... Это так, жеребца наддать... Мужичков, сами знаете, когда розгами, когда батожем...

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. Должно быть, больно?

СЕМЕНОВ. Ну, ежели благородного посечь, оно, конечно, больно... А мужика – так он же мужик, ему дело привычное, все одно как в баню сходить под веничек.

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. Вот как... Ну, тогда что же... сам гляди... Да! А проценты... ты проценты им ставишь, недоимщикам? Ольга Грязнова сказывала, что теперь все так делают.

СЕМЕНОВ. А то как же... Ставлю... да только не всегда эти проценты сообразишь... Вот, к примеру, со свиньями... У Верещаги... Одно дело, матушка, овес, а другое – свинья...

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. Не морочь мне голову... Овес, свиньи... Ты мне лучше вот что... В Москву, в цифирную школу, к Сашеньке моему, все отправил?..

СЕМЕНОВ. Всё как велено: и сапожки, и валеночки, и два кафтана.

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. А подарки для начальства ихнева?..

СЕМЕНОВ. Все, как уговаривались: и наливку, и осетра, и мясо вяленое.

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. А сыру?..

СЕМЕНОВ. И сыру. А то как же.

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. Может, поменьше будут к Са-

шеньке придирайтесь...

СЕМЕНОВ. А чего придирайтесь-то? Дитё малое...

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. Дитё... Пятнадцатый год!.. Нету с ним сладу никакого... Прямо весь в покойного мужа... Только девок за ляжки хватать... Все вы одним мирром мазаны... Может, там, в цифирной этой школе, приучат его к порядку да делу...

СЕМЕНОВ. Приучат, матушка, обязательно приучат...

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. Дай-то бог... А они там секут, ребятишек-то?

СЕМЕНОВ. Сказывали, секут.

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. Ах ты, господи... Ну да ладно, авось, не засекут.

СЕМЕНОВ. Не засекут, матушка... Так, понемножку, токмо для ихней же пользы.

Появляется МИХАИЛ, высокий парень лет двадцати, в руках у него – красные сапожки.

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. Да уж... (Замечает Михаила.)
Что это у тебя, Миша?

СЕМЕНОВ. Сапожки для вашей милости... На прошлой неделе разговор был... Чтобы красненькие...

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. Красненькие? Я что-то не упомяну... Ну-ка, покажи!

Михаил порывается подойти, но Семенов выхватывает у него сапожки и подает сам.

СЕМЕНОВ. Как велели.

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. Хороши, нечего сказать... (*Пытается надеть сапожок на ногу. Семенов бросается помогать. Глафира Петровна отстраняет его.*) Пусть Миша...

Михаил тотчас становится на колени и ловкими движениями надевает сапожок на ногу помещице.

СЕМЕНОВ. Не жмет, Глафира Петровна?

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. Навроде, не жмет... А второй? (*Михаил надевает и второй сапожок.*)

Глафира Петровна встает, проходится по гостиной.

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. Надо же, красненькие... Я уж не девка... А хорошо... Молодец, Миша!

МИХАИЛ. Благодарствую, ваша милость.

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. А под охру сможешь? Вон, как у меня на подоле.

МИХАИЛ. Под охру? Можно и под охру. Будет сделано.

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. К отъезду моему... я в Москву поеду... успеешь?

СЕМЕНОВ. Успеет, ваше милость. Обязательно успе-

ет.

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. Ну, хорошо. Ступай, Миша. (*Пауза.*) Что-то сказать хочешь?

СЕМЕНОВ. Да нет, ничего он не хочет... Ступай, Мишка, не до тебя сейчас.

Михаил уходит.

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. Ты доволен им, Федор Иваныч? Парень-то какой из сироты вырос... небось, гроза девкам.

СЕМЕНОВ. Хороший мастер. Устинин его хвалит. Доходу дает не хуже стариков.

Вбегает Дашка.

ДАШКА. Господин капитан Леонов приехали.

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. Капитан Леонов? (*Встает из-за стола.*) Мне надо переодеться... (*Уходит вместе с Дашкой.*)

Тотчас появляется Михаил, в руках у него черные мужские сапоги.

МИХАИЛ. Вот, Федор Иваныч... (*Отдает сапоги Семенову.*)

СЕМЕНОВ (*беря сапоги*). Хороши?

МИХАИЛ. Старался. (*Видя, что Семенов намеревается уйти.*) Федор Иванович, вы с барыней насчет меня толковали?

СЕМЕНОВ (*с недовольной миной*). Насчет тебя? А, ну да... Ты, Мишка, что о себе думаешь?.. Вот так тебе всё и подай... Ты хоть понимаешь, что такое – выкуп на волю?

МИХАИЛ. Понимаю, Федор Иванович.

СЕМЕНОВ. Ничегошеньки ты не понимаешь, Миша. Да если Глафиру Петровну не подготовить, она может разгневаться и вместо выкупа упечет тебя... куда Макар телят не гонял.

МИХАИЛ. Да за что же, Федор Иванович? Я верно служу, каждое желание исполняю, всю душу вкладываю.

СЕМЕНОВ. Да ты не разумеешь, я гляжу, как же тебе растолковать... Ты, Мишка, её крепостной человек, у неё крепость на тебя от царя и господ бога, на всю твою жизнь.

МИХАИЛ. Ну да, я разумею.

СЕМЕНОВ. Ты её крепостной человек и за счастья должен почитать такую судьбу.

МИХАИЛ. За счастье?.. Я на волю хочу...

СЕМЕНОВ. Ишь какой – хочет он. Вот скажи так барыне – батогов получишь, а не волю. И зачем тебе та воля? Ты же там пропадешь. А здесь ты как у Христа за пазухой с твоими-то золотыми руками.

МИХАИЛ. Но вот Устинин же выкупился...

СЕМЕНОВ. Устинин... Когда это было? Это ж отец его... Со покойным барином... А Глафира Петровна – дело иное,

она никому вольную не давала и даст ли когда – то вилами по воде писано.

МИХАИЛ. Так ведь за деньги!

СЕМЕНОВ. Понятно, что не за просто так... Устинины вон вдвоем, отец и сын, лет двадцать – как проклятые... А ты один.

МИХАИЛ. Я смогу. Я выдюжу.

СЕМЕНОВ. Ишь ты. Выдюжит он... Оставил бы ты это пустое мечтанье. Женился бы. Вон Дашка тебя хочет... А тебе, дураку, волю подавай.

МИХАИЛ. Федор Иваныч, у нас уговор был...

СЕМЕНОВ. Ладно, ладно... Поглядим. Тут, брат, подход нужен верный... *(С сапогами в руках уходит.)*

Михаил смотрит ему вслед.

Появляется Дашка. Подходит к Михаилу вплотную.

ДАШКА. Мишенька, ау...

МИХАИЛ *(оборачиваясь, сухо)*. Чего тебе?

ДАШКА. Просто поглядеть на тебя хотела...

МИХАИЛ. А чего на меня глядеть?

ДАШКА. Какой ты... Было время – очень тебе по нраву были мои погляделки... *(Кладет Михаилу руку на плечо.)*

МИХАИЛ *(отступая)*. Недосуг мне.

ДАШКА. Недосуг? И минутки для меня не сыщешь?

МИХАИЛ. Мне Глафира Петровна заказ сделала.

ДАШКА. Заказ? Какой заказ?

МИХАИЛ. Сапожки новые... Да тебе что за дело?

ДАШКА (*с обидой*). Злой стал, ни одного ласкового слова...

МИХАИЛ. Какого еще слова?..

ДАШКА. А какое ты мне раньше говаривал... Забыл? Сказать?

МИХАИЛ. Мало ли что я говорил... То дело прошлое.

ДАШКА. Вот ты как... Опостылела, знать... И на кого же ты теперь глядишь-то? На Таньку Устинину?

МИХАИЛ. Не твое дело, дура!

ДАШКА. Вот какие слова ты для меня сыскал...

МИХАИЛ. А ты меня не зли!..

ДАШКА. Не бывать тебе с Танькой! Ты дворовой человек Глафиры Петровны, и танькин отец её за тебя не отдаст... Он ей вольного найдет, купца из Твери!

МИХАИЛ. А это мы еще посмотрим...

ДАШКА (*в слезах*). Чтоб ты провалился... Глаза бы мои на тебя не глядели... (*Убегает.*)

Раздаются громкие голоса.

Входит молодой мужчина лет тридцати – капитан ЛЕОНОВ. Следом – Семенов. Несколько секунд Леонов и Михаил смотрят друг на друга, затем Михаила кланяется и уходит.

ЛЕОНОВ (*Семенову*). Ты, любезный, поимей-ка в виду вот что... Мне Глафиру Петровну не хочется огорчать, а ты мотай себе на ус... Двое ваших мужичков подались в бега на Нерли, да здесь, на Дубенской верфи, еще один... Мне дела нет до того, как ты будешь их сыскивать... Это ваша забота... А мне нынче же рабочие руки потребны, и я с вас не спущу.

СЕМЕНОВ (*испуганно*). Будет сделано, господин капитан... Войдите и в наше рассуждение... Народ стал некрепок, obroку мало, урожай о прошлом годе неважный.

ЛЕОНОВ. Будет жаловаться... У всех так... У меня у самого сельцо под Рузой... Тоже даю работников... А то как же! Война!

Появляется Глафира Петровна.

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. Ой, господин капитан, ты прямо всех нас перепугал... Какая еще война? Опять что ли с турком? С ним, кажись, замирились.

ЛЕОНОВ (*целуя руку помещице*). А швед, Глафира Петровна? Швед-то никуда не делся. Спит и видит, как бы нас уесть да Петербург пожечь.

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. Ишь какой... Но, слава господу, руки у него теперича коротки.

Появляется ОТЕЦ АНДРЕЙ, худощавый, живой, за сорок.

ОТЕЦ АНДРЕЙ. Простите, матушка Глафира Петровна!.. Я прямо так, по свойски, без приглашения... Диакон мне до-нёс, будто господин капитан Леонов проехал, так я не смог удержаться от искушения...

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. Ну что с тобой поделывать, отец Андрей...

ОТЕЦ АНДРЕЙ. Хоть любопытство и грех, но невеликий... Хочется послушать, что в большом мире-то деется, как там государь наш заступник поживает, про труды его великие...

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. За стол, господа, за стол... *(Проходят к столу. Садятся. Дашка бегает туда-сюда, накрывая на стол.)* А Карлуша-то шведский, так и сидит у султана?..

ЛЕОНОВ. Сидит... Но рано иль поздно прибежит снова. Так что ухо следует держать остро. И государю нашему, Петру Алексеевичу, помогать всемерно... Я тут, Глафира Петровна, выволочку дал вашему управителю... Уж не обессудьте.

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. А ничего страшного, а хоть и дал... Так ведь за дело, не так ли, господин капитан?.. Я ему и сама сегодня уже... Долги плохо вытрясает из мужичков... И что ж он натворил, наш Федор Иванович?

ЛЕОНОВ. Ничего особенного... Отчасти и я не прав... Вспылил. Так и досада берет... Петр Алексеич бьется аки лев с врагами, а тут в собственной державе людишки ему

помочь должную не оказывают.

ОТЕЦ АНДРЕЙ. Ох, грехи наши тяжкие...

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА (*со вздохом*). Ну, ничего, я его вразумлю, уж ты не беспокойся, господин капитан... Мы можем, чем сможем, чай, люди русские.

ЛЕОНОВ. Не сомневался, Глафира Петровна. Знаю, вы не подведете.

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. Так и передай, голубчик... И в сенат, и государю, коли будет случай... Мы всегда наготове... Ты расскажи, какие там новости, в Москве, в Петербурге этом...

ЛЕОНОВ. Так я же без вылазу на верфях... На дубненском устье... разве что в Нерль вырвешься... Вот как тялки погоним на Онегу да в Петербург, там все и увижу своими глазами да услышу своими ушами.

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. Погоди, это что же за тялки такие?..

ЛЕОНОВ (*улыбаясь*). Это корабли наши, кои мы на верфях сооружаем.

ОТЕЦ АНДРЕЙ (*поднимая со значением палец*). Тялк – одномачтовое судно с плоским дном, длиною в дюжину аршин, пригодно для прибрежного по рекам и морям плаванья...

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. И где ж ты слов таких нахватался, батюшка?

ОТЕЦ АНДРЕЙ. Так я ж в гостях у господина капитана

бываю на дубненское устье. Поглядел на всю эту кутерьму, да потолковал с заморскими мастерами, которые там верховодят...

ЛЕОНОВ. Голландцы...

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. И на каковском языке ты с ними толковал, батюшка мой?

ОТЕЦ АНДРЕЙ. Так они ж три слова по-русски, а я три слова по латыни, глядишь и толковались.

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. А вечером и за чаркою...

ОТЕЦ АНДРЕЙ. И то было... Не скрою, согрешил немного, у господина прощения просил всю обратную дорогу... И что я там подсмотрел-то ещё... Заморские эти люди, по своим знаниям, значит, по своему опыту, образец сотворят, а наши-то мужички за ними ну повторять. И так по каждой детали. А потом, всем миром – этот самый тялк собирают... Умно!

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. Тебе, отец мой, по твоим свойствам не в церкви служить, а в миру бы суетиться...

ОТЕЦ АНДРЕЙ. На то одна божья воля, благодетельница наша...

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. А что касемо иноземцев... куда уж нам за ними поспеть-то, за этими шведами да голландцами...

ЛЕОНОВ. А не скажите, Глафира Петровна. Мы тут недавно подрядили мужичков наших, дабы сотворили тялку... корабль, значит... сами, без голландских мастеров.

Уговор был – ежели не хуже, добавляем, а коли хуже выйдет – они из своих карманов выложат... И что же? Не хуже! Послали в сенат – чтоб им добавить за хорошую-то работу.

ОТЕЦ АНДРЕЙ. Я всегда говорю: наш мужик – он смекалист и добрую сноровку имеет. Ему бы подсобить, так он любого иноземца за пояс заткнет...

ЛЕОНОВ. А что значит, батюшка, подсобить?..

ОТЕЦ АНДРЕЙ. Не то чтобы подсобить, а... Как бы растолковать-то?..

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. Ты толкуй, да смотри, не затолкуйся, отец мой...

ОТЕЦ АНДРЕЙ. Не то чтобы подсобить, а вот бы немного послабить...

ЛЕОНОВ. Послабить?..

ОТЕЦ АНДРЕЙ. Послабить... Чуть послабить. А то уж больно им тяжко... Вот и у вас, господин капитан, народишко-то с верфей бежит...

ЛЕОНОВ (*задумчиво*). Бегут, окаянные... Вот и ваши тоже, Глафира Петровна... Я вашему управителю велел замену мне привести как можно быстрее... Уж не обессудьте.

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА (*со вздохом*). Заменим, а что деть-то... (*Отцу Андрею*.) А ты тоже завел проповедь: послабить да подсобить... Им послабишь, так и сам по миру пойдешь. У каждого из нас участь одна: смиряться перед богом и государем да покорно нести свой крест... У них, у мужиков, свой крест, а у нас – свой.

ОТЕЦ АНДРЕЙ. Оно так, господь терпел и нам велел...

ЛЕОНОВ. Истинно так, батюшка. Кто-то терпит, а есть такие, что терпеть более не желают и даже смуту сеют...

ГЛАФИРА ПЕТРОВНА. Это ты об чём, господин капитан?

ЛЕОНОВ. К нашим мужичкам, что лес валят для верфи, приходил человек и смущал сказками, будто государь наш вовсе не государь, а антихристом посланный...

ОТЕЦ АНДРЕЙ. Свят, свят, свят...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.